
В.А. Кучкин

МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

В самом начале 1363 г. московские войска взяли столицу великого княжества Владимирского г. Владимир на Клязьме, изгнав оттуда прежнего правителя, суздальского по происхождению князя Дмитрия-Фому Константиновича и объявив Владимирское великое княжение достоянием московского князя Дмитрия Ивановича, будущего Донского. Присоединение к Москве г. Владимира, его уездов и волостей вызвало резкий протест со стороны соседних с Москвой княжеств Тверского и Нижегородского, правители которых начали долгую и упорную борьбу с Москвой за владимирский стол. С течением времени в эту борьбу оказались втянуты Литовское великое княжество и Орда. Однако после разгрома Москвой и ее союзниками Тверского княжества в 1375 г. московское правительство закрепило за собой владимирские земли – самое крупное свое территориальное приобретение. Поэтому умирая, Дмитрий Донской в своем завещании, составленном между 25 марта и 16 мая 1389 г., постарался сохранить великокняжеские владимирские земли в одних руках. Назначая своим преемником на московском столе Василия, старшего из живших в 1389 г. своих сыновей, и соблюдая тем самым традиции предков (преемник отца – старший сын) Дмитрий Донской ему одному передавал и все владимирские земли. В случае же смерти Василия великим князем должен был стать не сын Василия, а старший из живых его братьев. К последнему целиком переходил и удел умершего брата. Таким образом сохранялся и контроль самого могущественного из московских князей над приобретенными в свое время владимирскими землями. Говоря конкретно, таким князем – кандидатом на московский великокняжеский стол должен был стать звенигородский и галичский князь Юрий Дмитриевич, которому в год смерти отца исполнилось 15 лет. Существует мнение, что с уходом из жизни Дмитрия Донского отношения между Василием I и Юрием сильно охладели (А.Е. Пресняков). Проверка по первоисточникам показывает, что это не так. Уже первое столкновение нового великого князя с родственником, серпуховским князем Владимиром Андреевичем, показало, что Юрий твердо выступает на стороне старшего брата, а не двоюродного дяди, выполняя дипломатические поручения Василия I и скрепляя своей печатью январское соглашение 1390 г. с Владимиром Серпуховским. Это следование политике Василия I характерно для звенигородского князя на всем протяжении правления старшего брата. Но

после его смерти 27 февраля 1425 г. Юрий Дмитриевич стал добиваться великокняжеского стола. Более 9 лет он боролся за этот стол и в конце концов занял его. Его соперник, сын Василия I Василий II, уже готовился бежать в Орду, когда из Москвы пришло известие, что великий князь Юрий скончался 5 июня 1434 г.

Ключевые слова: Древняя Русь, Московское великое княжество, Дмитрий Донской, Юрий Звенигородский, политическая история

Последнее завещание Дмитрия Донского (по счету – второе) было составлено между 25 марта и 16 мая 1389 г., скорее всего, в первой половине мая 1389 г. Приведенная начальная дата определяется по времени овладения Дмитрием городами Дмитровом и Галичем, упоминаемыми в его завещании. Ранее оба города принадлежали двоюродному брату Дмитрия серпуховскому князю Владимиру Андреевичу, но по договору от 25 марта 1389 г. между Дмитрием и Владимиром (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 155) переходили в собственность Юрия великого князя. Очевидно, что душевная грамота Дмитрия Донского могла быть составлена только после 25 марта 1389 г.

Другая дата, позже которой документ не мог быть написан, основывается на одной из статей великокняжеского завещания 1389 г.: «А дасть ми б(ог)ъ с(ы)на, и княгини моѧ подѣлит его, возмѧ по части у большѧ его братьи» (ДДГ. С. 35, № 12). Речь идет о том, что жена Дмитрия Донского великая княгиня Евдокия ждала ребенка, и Дмитрий заранее озаботился в своем завещании о наделении возможного нового наследника земельными владениями. Последний сын Дмитрия, названный Константином, родился 16 мая 1389 г. Следовательно, завещание Донского было составлено до 16 мая 1389 г.

По своему характеру душевная грамота Дмитрия Ивановича представляла собой некий косвенный отчет великого князя перед потомками о его деятельности, успешном присоединении к Москве целого ряда русских княжеств, городов и мест, содержала сведения о разделении Донским накопленного им недвижимого и движимого имущества между своей женой и шестью сыновьями (Василий, род. 30.XII.1371 г.; Юрий, род. 26.XI.1374 г.; Иван, род. в перв. пол. 1378 г.; Андрей, род. 14.VIII.1382 г.; Петр, род. 29.VII.1385 г.; Константин, род. 16.V.1389 г. – Кучкин 2013. С. 19); указывала, каких норм надо придерживаться наследникам Дмитрия в отношениях друг с другом, союзниками и потенциальными врагами. Но главным в этом разделе завещания Дмитрия Донского было новое правило великокняжеского престолонаследия. Оно составило особую статью завещания 1389 г.: «А по грѣхом отъимет б(ог)ъ с(ы)на моего, князя Васильѧ, а хто будет подъ тѣм с(ы)нѧ мои, ино тому

с(ы)ну моему князь Васильевъ оудѣл, а того оудѣломъ подѣлит их моѣ княгини. А вы, дѣти мои, слушайте свое м(а)т(е)ри, что кому дасть, то тому и есть» (ДДГ. С. 35, № 12).оборот приведенной статьи «а хто будет подь тѣм с(ы)нъ мои, ино тому с(ы)ну моему князь Васильевъ оудѣл» означал, что если старший сын Дмитрия Донского умрет, ему должен наследовать его брат, старший из младшей братии. Между тем, сам Дмитрий Донской получил титул великого князя всея Руси по завещанию своего отца великого князя всея Руси Ивана Ивановича. Тот же Дмитрий Донской в завещании 1389 г. назвал своим преемником на великокняжеском столе старшего сына Василия. Очевидно, что в течение нескольких десятилетий (с 1359 г., когда умер отец Дмитрия Донского великий князь Иван Иванович, и до 1425 г., когда скончался сын Дмитрия Донского великий князь Василий, т.е. на протяжении почти 70 лет) в Московском княжестве верховная власть переходила по вертикальной линии от отца к старшему сыну, как это и было раньше, при правлении первого московского князя Даниила Александровича. Однако после смерти Василия I верховная власть должна была перейти, по замыслу Дмитрия Донского, от старшего брата к брату, по возрасту следовавшему за умершим великим князем. Оставляя такое распоряжение, Дмитрий Донской несомненно задумывался о будущем. Но главной его целью было удержание за московским княжеским домом земель бывшего великого княжества Владимирского, присоединенного к Москве еще в начале 1363 г. Это княжество Дмитрий Донской целиком (кроме двух сел) завещал старшему сыну Василию. Если последний умирал, его удел переходил к другому сыну Дмитрия Донского, старшему из оставшихся сыновей. В 1389 г. ни один из сыновей Дмитрия Донского еще не был женат, и Дмитрий Донской стремился оставить главное свое завоевание живым людям, а не предполагаемым в будущем внукам.

В Северо-Восточной Руси XIV в. изменение Дмитрием Донским принципов великокняжеского престолонаследия не стало единственным. В 1399 г. правитель Тверского княжества, второго по значимости на Северо-Востоке, великий князь Михаил Александрович также ввел изменения в порядок посажения князей на великокняжеский стол в Твери. Он, однако, решал задачу иначе. Главное заключалось в том, что старшему сыну Ивану, преемнику отца, было выделено 8 крупных тверских городов, в то время как два младших сына Михаила получали всего по 2 города. За семьей Ивана Михайловича резкое преимущество во владениях должно было оставаться и в дальнейшем. А потому верховная власть в Тверском княжестве должна была всегда принадлежать только этой линии тверских князей. Князья боковых линий просто не допускались к борьбе за верховную власть (Кучкин 1984. С. 196).

Вернемся, однако, к событиям московским. Великий князь Василий I сел на великокняжеский стол 15 августа 1389 г., почти через 4 месяца после смерти отца. Церемонию торжественного посажения провел представитель ордынского хана Тохтамышша Шихмат, который посадил 17-летнего князя на стол во Владимире (ПСРЛ. Т. 18. С. 139). Летописи указывают, что после этой церемонии в московском княжеском доме возникла крайне напряженная ситуация. Во второй половине августа 1389 г. серпуховский князь Владимир Андреевич рассорился с новым великим князем, покинул свое княжество и вместе с семьей и старейшими боярами укрылся в принадлежавшем ему селе Теребенском, расположенном в далеком Новоторжском уезде (Там же). Летописи не говорят о причине распри, но она вскрывается на основании изучения последних договоров князя Владимира с Дмитрием Донским и первого договора серпуховского князя с Василием I.

Самое позднее соглашение между Владимиром и Дмитрием было заключено весной 1389 г. Большой великий князь вдруг арестовал бояр серпуховского князя, но вскоре отпустил их на свободу и примирился с двоюродным братом. Мотивы таких действий в источниках не указывались, и в течение почти 200 лет русские и зарубежные историки терялись в догадках, что заставило Дмитрия Донского вступить в конфликт с двоюродным братом, который с 8-ми лет добросовестно действовал вместе с ним, позднее выполнял его дипломатические и военные поручения, в 1368 г. сумел отнять у литовцев важную в стратегическом отношении волжскую Ржеву, а в 1380 г. руководил всеми русскими силами в победоносной заключительной стадии Куликовской битвы, и вдруг в 1389 г. оказался объектом недовольства великокняжеской власти, хотя ранее Дмитрий наделял серпуховского родственника и городами, и волостями, и даже деревнями.

Споры среди исследователей относительно причин конфликта между Дмитрием Донским и Владимиром Андреевичем улеглись после того, как в конце 40-х гг. XX в. Л.В. Черепнин в Описи архива Посольского приказа 1626 г. нашел позднюю копию ранней уникальной характеристики договора 1389 г. между Дмитрием и Владимиром: «со князем Володимером докончалная (так называлась договорная грамота. – В.К.) тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галичь да Дмитров от брата» (Черепнин 1948. Ч. 1. С. 40). Действительно, в составленном через несколько недель после соглашения завещании Дмитрия Донского фигурировали и Дмитров, и Галичь, но уже как великокняжеские владения. Дмитров завещался предпоследнему сыну Донского трехлетнему Петру, Галичь должен был отойти к 14-летнему звенигородскому князю Юрию Дмитриевичу. Отнятием двух городов у удельного князя Дмитрий Дон-

ской ослаблял экономический и военный потенциал своего серпуховского родственника, а передачей их собственным сыновьям усиливал такой потенциал своих сыновей. О борьбе с ними за верховную власть в Московском княжестве Владимиру нечего было и думать.

Приведенные свидетельства источников объясняют и причины того, почему Владимир Серпуховский пошел на обострение отношений с великим князем Василием I. Очевидно, что Владимир после смерти Донского потребовал от нового верховного правителя Московского княжества, утвержденного ордынской властью, восстановления своих поправленных прав, возвращения ему Дмитрова и Галича, которые он получил в 1372 г. от того же Дмитрия «в вотчину и в удел», т. е. в полную «отчинную» собственность.

Однако Василий I требований двоюродного дяди удовлетворить не мог. Завещание Дмитрия Донского было столь же важным и нерушимым для его наследников, как конституция для людей значительно более позднего времени. Поэтому обиженный серпуховский князь и обосновался в селе Теребенском, подальше от Москвы. Пребывая там, князь Владимир, в случае нападения на него московской рати, мог укрыться в Новгороде Великом, которому принадлежала значительная часть территории Торжка и его уезда. Если Василий I не посылал своих полков на Теребенское, то Владимир Андреевич получал возможность отсиживаться в своем селе, ища союзников против московского князя, добываясь помощи того же Новгорода или поддержки территориально близкого тверского великого князя Михаила Александровича, после поражения от Москвы в 1375 г. не испытывавшего никаких симпатий к потомству Дмитрия Донского.

Василий I воздержался от наступления на Теребенское, но его ратники заняли Серпуховское княжество, а заодно и пограбили его. В принципе московское правительство не было заинтересовано в разжигании вражды с Владимиром Серпуховским, имевшим большой авторитет у москвичей и населения Московского княжества. Оно стремилось погасить междинастическую распрю, поскольку Василию I надо было решать и другие неотложные задачи. После длительных переговоров, в которых приняли участие дееспособные старшие сыновья Дмитрия Донского, мир между родственниками был восстановлен.

Он был оформлен между 6 и 26 января 1390 г. особым договором (Кучкин 2005. С. 58–62). К тексту договора были привешены вислые перстневые печати из воска Василия I, его брата Юрия Звенигородского, а также серпуховского князя Владимира Андреевича. Такое оформление документа свидетельствует о том, что молодой князь Юрий Дмитриевич в начале своей политической деятельности действовал в интересах ве-

ликокняжеской власти, а последняя опиралась на него и поддерживала, сохранив именно за ним, а не за серпуховским князем, Галич.

Согласно январскому договору 1390 г., серпуховский князь восстанавливал свои финансовые и юридические права в Москве и в Московском княжестве, но вместо утраченных Дмитрова и Галича получал во владение Ржеву на Волге и Волок Ламский. Московское правительство шло на определенные уступки удельному князю, но компенсировало его потери неполностью. Ржева и Волок Ламский уступали Дмитрову и Галичу Мерскому в экономическом и демографическом отношениях¹. Тем не менее январский договор 1390 г. способствовал единению двух ветвей московских Рюриковичей: потомков Дмитрия Донского и потомков его соратника Владимира Серпуховского, которые вплоть до 1456 г., когда Серпуховское княжество было присоединено к Московскому, не вступали в вооруженную борьбу между собой.

Начиная противостояние с Владимиром Серпуховским уже в первые недели после своего утверждения на владимирском столе, Василий I старался найти себе сторонников среди более близких родственников: матери и родных братьев. Из братьев помочь мог только звенигородский князь Юрий, которому в 1389 г. исполнилось 15 лет. Остальные четверо братьев были еще недееспособны. Одна из последних статей январского договора 1390 г. отмечала: «А выидеть Юрьи с посломъ, и намъ то подьять по розочту, по выходу» (ДДГ. С. 39, № 13). Из данного свидетельства следует, что во время конфликта с Владимиром Серпуховским Василий I отправил в Орду своего родного брата Юрия, на которого возложил важную миссию – вернуться с ханским послом, который поможет урезонить строптивного серпуховского двоюродного дядю. И звенигородский князь стал исполнителем этого великокняжеского решения. В свое время А.Е. Пресняков высказал мысль, что отношения Василия I с Юрием Звенигородским стали холодными сразу же после смерти их отца Дмитрия Донского. Однако рассмотренные выше данные о противостоянии сыновей Донского с Владимиром Серпуховским в 1389 г. говорят об обратном. В начале своей политической деятельности Юрий Дмитриевич действовал вместе с родными братьями и поддерживал тот политический курс, который вырабатывался Василием I.

Проследим, как развивались отношения между двумя старшими сыновьями Дмитрия Донского не только в раннее, но и в более позднее

¹ По данным 1389 г. с Дмитрова собиралось 111 рублей в каждую 1000 рублей ордынского «выхода» (ДДГ. С. 36, № 12). По данным 1432 г. с Галича взималось 525 рублей в 7000-рублевый «выход», или 75 рублей в каждую 1000 рублей «выхода» (ДДГ. С. 74, № 29). В 1481 г. с владений князя Бориса Волоцкого, включавших Волок Ламский, Ржеву волжскую и Рузу, собиралось «выхода» 61 рубль, 10 алтын и 1 деньга (ДДГ. С. 272, № 73), т.е. в 3 раза меньше, чем с Дмитрова и Галича.

время. В 1392 г. Василий I присоединил за большие деньги Орде к своим владениям великое княжество Нижегородское. Заселять и осваивать присоединенную территорию даже великому князю было непросто. Средств не хватало. И Василий I начал раздавать части присоединенного княжества своим братьям в качестве прекарных владений. С них можно было кормиться, но владельцем оставался великий князь. Юрий Дмитриевич получил от старшего брата в кормление Вятку – анклав, располагавшийся в бассейне р. Вятки, правого притока р. Камы.

Сохранившийся договор Василия I с Юрием Звенигородским и Галичским, заключенный, как теперь выясняется, между 30 декабря 1392 г. и 23 февраля 1393 г., оформлял эту передачу и указывал на право великого князя посылать на войну войска только одного Юрия (ДДГ. С. 40, № 14), без поддержки великокняжеских сил. Очевидно, что за кормление в Вятке князю Юрию Дмитриевичу нужно было оказывать военную помощь старшему брату. И уже в начале 1393 г., когда вспыхнула московско-новгородская война, князь Юрий был послан Василием I на Торжок воевать новгородские земли. Нападение на Торжок звенигородского правителя было успешным (ПСРЛ. Т. 25. С. 220). Возможно, что Юрий участвовал и во втором походе московских войск на Торжок, последовавшем через 8–9 недель после первого.

Во время нападения Темир-Аксака на Орду в 1395 г. Нижний Новгород, владение Василия I, был захвачен местным князем Семеном Дмитриевичем и помогавшим ему ордынским царевичем Ентяком, в распоряжении которого был отряд татар в 1000 человек (Там же. С. 225; ПСРЛ. Т. 8. С. 72). 23 октября 1395 г. Ентяк вероломно нарушил заключенное им соглашение с нижегородцами, захватил Нижний Новгород и подверг его жителей неслыханному ограблению (ПСРЛ. Т. 25. С. 225). Об этом стало известно в Москве. На Нижний Новгород было направлено войско под командованием 20-летнего князя Юрия Дмитриевича. Василий I отправил брата в поход на основании их договора конца 1392 – начала 1393 г. Следовательно, операция производилась военными силами звенигородского князя. Со своих главных владений, городов Звенигорода, Галича и Вятки, Юрий вполне мог собрать по 2000 ратников, т.е. в 6 раз больше по сравнению с тем, что было в распоряжении Ентяка². Узнав об этом, в начале ноября 1395 г. Ентяк и князь Семен бежали из города. А князь Юрий Дмитриевич, перейдя Волгу, три месяца успешно воевал в ордынском Среднем Поволжье. Его рати достались там богатые трофеи («възвратися с великою побѣдою и корыстью» – ПСРЛ. Т. 25. С. 225–226), но главное заключалось в том, что Василий I восстановил свой контроль над важной волго-окской крепостью.

² Для сравнения: в 1375 г. жители Костромы сумели собрать против новгородских ушкуйников пятитысячную рать (ПСРЛ. Т. 25. С. 191).

В 1416 г. Юрий Дмитриевич вместе с братьями Василием I и Константином посетил Новгород Великий, где участвовал в церемонии возведения на новгородскую архиепископскую кафедру владыки Симеона (НПЛ. С. 406). Это было последней совместной акцией Юрия и его старшего брата великого князя Василия I.

Под 1417 г. московская летопись сообщает, что «бояринъ князя Юрья Дмитриевича Глѣбъ Семенович да с ним Семень Жадовскый и Михаило Росохинъ, а с ним Вятчане и Устюжане, ходиша воиноу и повоеваша всю землю Двиньскую и Заволочьскую, а Кольмогоры пожъже, а боярь многих полониша и окупъ с них взяша. Заволочане, тогда скопився, Устюгъ повоеваша» (ПСРЛ. Т. 25. С. 243). Новгородское летописание вносит пояснения и дополнения в московский рассказ об этих событиях. В Новгородской I летописи младшего извода указывается, что нападение на Подвинье и Заволочье, причем на речных судах, было предпринято «с Вятки, изъ князя великого отчинѣ», но силами не великого князя, а кормленщика, его брата Юрия Дмитриевича. Поскольку кормленщик не имел права самостоятельно вести войны, а только с разрешения владельца земли, становится ясным, что замысел напасть на северные новгородские владения исходил от Василия I. Поэтому ответный удар новгородцев пришелся не на владения Юрия Дмитриевича, а на Устюг, контролировавшийся Василием I. Приведенный факт свидетельствует о том, что в 1417 г. Василий I и Юрий сохраняли между собой лояльные отношения, и звенигородский князь воплощал в жизнь те решения, которые принимал Василий I.

Положение стало меняться лишь в последние годы жизни Василия I. Составляя во второй половине 1420 г. свое второе завещание, Василий I назвал в нем всех своих родных братьев, живших в то время, за исключением Юрия Дмитриевича. Андрей же Дмитриевич, Петр Дмитриевич и Константин Дмитриевич (князь Иван Дмитриевич умер 29.VII.1393 г.) названы во втором завещании Василия I среди статусных гарантов теста-мента великого князя (ДДГ. № 21).

Третье завещание Василия I было написано в марте 1423 г. В принципе оно сохранило содержание второй душевной грамоты этого великого князя. Но есть и исключение. Из списка князей-гарантов было удалено имя князя Константина Дмитриевича (ДДГ. № 22), с которым Василий I крепко повздорил.

Такое отношение к родным братьям Василия I говорит о том, что с их интересами великий князь считался мало, во всяком случае под конец своей жизни, а вступая в ссору, просто не вписывал их имена в важные документы государственного значения, в частности такие, как собственные завещания³.

³ Подр. о завещаниях Василия I см.: Кучкин 2016.

Болезни, однако, брали свое, и в начале 1425 г. Василий I скончался. Он умер 27 февраля указанного года в 3 часа ночи, что в переводе на современное время равно примерно 10–11 часам вечера.

Эта долгая февральская ночь еще не закончилась, когда митрополит Фотий послал своего боярина Акинфа Ослебятева в Звенигород ко князю Юрию Дмитриевичу с извещением о смерти старшего брата и с предложением приехать в Москву (ПСРЛ. Т. 18. С. 167). Юрий немедленно покинул Звенигород, но отправился не в Москву, а в свой второй центр – Галич Мерский. Такое решение удельного князя ясно показывает, насколько напряженной была обстановка в московском княжеском доме в канун смерти Василия I. Юрий совершенно не доверял старшему брату и его окружению, окружение Василия I видело в Юрии явного врага. Дело дошло до прямых военных столкновений⁴. В Звенигородское княжество были введены московские войска, как это было в 1389 г. по отношению к княжеству Серпуховскому, а местная звенигородская администрация заменена московской⁵. 26 марта 1425 г. московское правительство провозгласило наследника Василия I, его сына Василия II, великим князем.

Узнав об этом, князь Юрий прислал к нему послов, предлагая перемирие до Петрова дня (29 июня). Предложение было принято, и тогда Юрий приступил к энергичному собиранию своих разбросанных по разным местам Северо-Восточной Руси сил. Об этом стало известно в Москве. Московские войска были наготове, и они под командованием князя Константина Дмитриевича были отправлены против Юрия, находившегося тогда в бывшем Нижегородском княжестве, где у него было крупное прекарное владение – Вятка. Юрий отступил за р. Суру, и, видимо, весенний разлив рек помешал военному столкновению братьев. Константин вынужден был вернуться в Москву. Юрий прислал к Василию II послов с предложением о перемирии на год. В Москве провели большое совещание, на котором присутствовали все удельные московские князья (кроме Юрия Дмитриевича), запрошено было мнение даже литовского великого князя Витовта. В итоге было решено послать на переговоры с князем Юрием митрополита Фотия, который должен был добиваться не краткосрочного договора с удельным князем, а долговременного соглашения о мире. Фотий отправился в Галич.

⁴ Об этом свидетельствует статья 29 договора от 11 марта 1428 г. великого князя Василия II с князем звенигородским и галичским Юрием Дмитриевичем: «А что были межи нас в наше нелюбие воины и грабежи или дани иманы, или гдѣ что взато и положено, и тому погребѣ на вѣбѣ сторонѣ».

⁵ Это отражено в статье 33 того же договора: «А что мои намѣстници и волостели, и посельский, ихъ тивуни вѣдали твою втчину и села боарьский въ твоени втчинѣ, и в томъ нам ѿтослати по боарину, и вни в том оучинат исправу. Что будетъ взато право, то встало, а что будетъ взато криво, то ѿдати по исправѣ».

Князь Юрий Дмитриевич встретил митрополита с подобающей честью. Склоны примыкавшего к галичскому посаду холма были усыпаны множеством людей, долженствовавших изображать всенародные почтение и почитание главы русской церкви, а заодно – силу и большие возможности звенигородско-галичского князя. Все встречавшие Фотия были одеты в сермяги. «Сыну, – обратился митрополит к Юрию, – не видах столько народа во овчих шерстьех» (ПСРЛ. Т. 25. С. 246). Фотий решил, что князь Юрий внутренне насмехается над ним, одев своих людей в одежды из овечьей шерсти. Митрополит по своему положению считался пастухом (пастырем, идейным наставником) людей – «словесных овец». Князь же Юрий вознамерился продемонстрировать митрополиту реальных людей – «овечек», которые будут внимать словам церковного наставника, но поступят так, как велит им их князь.

Возникшее подозрение московского посла сразу же наложило свой отпечаток на переговоры. Фотий настаивал на заключении долговременного мира, Юрий соглашался только на перемирие. Уязвленный и рассерженный митрополит покинул Галич, так ни о чем и не договорившись. Но оставшись один, князь Юрий понял, какие возможности он упустил, отвергнув предложение Фотия, которое могло быть реализовано на разных условиях. Оседлав коня, Юрий бросился вдогонку за митрополитом. Нагнав Фотия, он стал просить у него прощения за свой «грех» и упросил вернуться в Галич. Делегация Фотия повернула обратно. На второй стадии переговоров стороны сумели договориться о том, что князь Юрий пошлет своих представителей в Москву к Василию II, чтобы заключить с ним мирный, а не перемирный договор.

В дальнейшем всё так и произошло. Примерно в апреле–мае 1425 г. между Василием II и князем Юрием Дмитриевичем было подписано соглашение, согласно которому «князю Юрию не искати княжения великаго собою, но царемъ: которого царь пожалуетъ, тьи будеть князь великийи Владимирьскыи и Новугороду Великому, и всеи Руси» (ПСРЛ. Т. 18. С. 168). Точный срок действия этого договора нам неизвестен, по косвенным данным он составлял около трех лет. Вероятно, что тогда же князь Юрий добился признания московским правительством его не прекарных, а владельческих прав на Вятку.

События указанных выше трех лет развивались в пользу московского правительства. Благодаря случайным, а иногда и вполне обдуманым обстоятельствам Московское княжество заметно усилилось. В конце 1426 – начале 1427 г. правившая за Василия II его мать Софья Витовтовна вместе с боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожским, ставшим московским наместником, провела в Московском княжестве судебную реформу. Удельным князьям было разрешено, как это было прежде, при

судебном рассмотрении в Москве исков или обвинений их людей присылать в суд своих судей. Это означало, что последние могли получать судебные штрафы, что в итоге приводило к росту финансового благосостояния удельных правителей и упрочению их связей с Москвой.

К зиме 1426/27 г. от свирепствовавших эпидемий скончались все сыновья Владимира Серпуховского. В его династии не осталось ни одного взрослого мужчины, и московское правительство взяло на себя временное опекунство над маленькими внуками князя Владимира, послав в их княжество своих представителей. Забота о Серпуховском княжестве стала для Москвы небескорыстной. У несовершеннолетних княжичей был отобран Углич, данный в 1402–1404 гг. их деду Владимиру великим князем Василием I в обмен на волжскую Ржеву. Около 1427 г. Углич был передан князю Константину Дмитриевичу, который не имел своего удельного вотчинного центра. Получив его, Константин становился благодарным союзником московского правительства.

22 февраля 1427 г. умер дмитровский князь Петр Дмитриевич. Сыновей у него не было, и Дмитровское княжество как выморочное перешло под власть великого князя Василия II.

Обладание Дмитровом и контроль над Серпуховом, а еще и Звенигородом увеличивали военно-экономический потенциал Московского княжества. Менялась в пользу Москвы и политическая конъюнктура. Подрастал сам Василий II, достигший в конце 1427 г. 12-летнего возраста, который по средневековым меркам отделял отрока от взрослого мужчины. Его отношения с родственниками становились более определенными и осмысленными.

Парадоксальной была позиция Юрия Звенигородского. Три года, даже потеряв главное свое владение – Звенигород, князь Юрий Дмитриевич не шел на длительный мир со своим юным племянником. Теоретически Юрий, законный претендент на великокняжеский стол, мог рассчитывать на поддержку Новгорода Великого, тверского, рязанского, пронского великих князей и даже литовского великого князя Витовта, который воевал то со Псковом, то с Новгородом, хотя и тот, и другой центры в определенной степени подчинялись московской великокняжеской власти. Но примерно в мае 1427 г. Витовта посетила ставшая вдовой его дочь Софья, просившая отца о военной защите Москвы. Летом того же года Витовт совершил свое единственное в жизни путешествие вдоль р. Оки, в котором встретился с новосильскими, одоевскими, воротынскими, переяславскими (Переяславля-Рязанского), пронскими и рязанскими князьями, подобострастно встречавшими могущественного литовского правителя и подносявшими ему богатые дары (Базилевич 1952. С. 39). Итогом встреч было заключение в июле 1427 г. договоров Витовта с ря-

занским и пронским великими князьями. Оба договора были составлены по одному шаблону. Они очень кратки, их содержание умещается всего в 13 статьях и посвящено общим нормам взаимоотношений Литовского государства с Рязанским (Переяславля-Рязанского) и Пронским княжествами. Но в оба документа была включена статья 6, которая характеризовала политику литовского великого князя в отношении Москвы: «А будет ли котораа налога великому княз(ю) Василию Васильевич(ю), внуку ег(о), а ис которые стороны, а възвелит ми княз(ь) велики Витовтъ, и мнѣ, княз(ю) великому Ивану Федорович(ю), по ег(о) вельнию пособлати ему на всакоз(о)» (ДДГ. С. 68, № 25). Статья обеспечивала защиту Василия II от нападений или каких-либо происков с любой стороны, и рязанский князь вместе с пронским должны были Василию II «пособлати» на всех противников Московского княжества. Выясняется, что главной целью июльских договоров 1427 г. Витовта с рязанским и пронским великими князьями являлась поддержка и защита внука Витовта – московского великого князя Василия II.

Рано или поздно князь Юрий Дмитриевич должен был узнать о существовании и содержании соглашений Витовта с Рязанью и Пронском. В политические расчеты звенигородского правителя необходимо было вносить большие коррективы. Становилось очевидным, что надеяться на какую-то литовскую помощь Юрию было нереально. Наоборот, приходилось исходить из того, что на стороне Василия II будут его дед Витовт и зависимые от него русские князья. Шансы звенигородского князя на успешную борьбу за верховную власть с Василием II резко упали, и Юрий Дмитриевич решил искать примирения с великим князем. В Москве откликнулись на такой шаг, начались переговоры, и 11 марта 1428 г. был подписан мирный договор.

Уже в преамбуле этого соглашения было подчеркнуто, что оно заключается братом старейшим, великим князем Василием Васильевичем, с «братом младшим», но по возрасту старшим на 41 год, князем Юрием Дмитриевичем. Из этого следовало, что звенигородский князь признал более высокий статус своего племянника, который годился ему во внуки. Важное значение имела статья 11 договора, согласно которой удельный князь признавал законность обладания великим князем всеми владениями, которыми наделил его отец Василий I: «А чим бл(а)г(осло)вил от(е)ць твой, княз(ь) велики Василеи Дмитриевич, тоба своею вотчиною в Москвѣ и Коломною с волостми, и всим великим княженьем, и Новымгородом Нижним с волостми, и Муромом с волостми... того ми всего под вами блюсти, а не обидѣти, ни вступатиса, ни под вашими дѣтми» (ДДГ. С. 64, № 246)⁶. Московское правительство, со своей стороны, при-

⁶ Характерно, что о великом княжестве здесь говорится лишь на третьем месте, в соответствии с третьим завещанием Василия I.

знавало наследственные права Юрия на Звенигород и возвращало ему его княжество (статьи 13 и 17). Поборы, которые собирала со звенигородцев появившаяся там с 1425 г. московская администрация, компенсировались князю Юрию разрешением в ближайшие 4 года не платить выхода (налога с населения) и яма (налога на строительство, содержание дорог и использование их) в Орду. За него это делал московский великий князь (статья 17).

Договоренности 1428 г. просуществовали недолго. 27 октября 1430 г. умер рухнувший с коня престарелый литовский великий князь Витовт⁷. Общеполитическая обстановка в Восточной Европе сразу поменялась. К власти в Литве 7 ноября 1430 г. пришел новый литовский великий князь – Свидригайло Ольгердович. С ним в дружественные отношения вступил правивший в Звенигороде Юрий Дмитриевич. Точное время заключения договора между Юрием и Свидригайло неизвестно, но оно имело место после 7 ноября 1430 г. и до 15 августа 1431 г. После этого князь Юрий Дмитриевич «разверже миръ съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ» (ПСРЛ. Т. 18. С. 171). Отказ от мирных отношений между русскими князьями означал, что стороны готовы вести губительную борьбу между собой. Но чтобы победить в ней, нужно было заручиться решением ордынского хана.

Для дяди и племянника, оспаривавших друг у друга верховенство, таким вершителем их судеб являлся сарайский хан. К нему для выявления правого в споре и договорились идти оба князя. В то время Сарай был владением хана Улуг-Мухаммеда. Туда и отправились соперники. Первым из Москвы выехал Василий II. Его речная флотилия отчалила от московского Кремля в день Успения Богородицы 15 августа 1431 г. Князь Юрий несколько промедлил. Он дождался праздника Рождества Богородицы – 8 сентября – и тоже отправился к хану. На пути Юрий оставил в Москве великокняжеским канцеляристам хранившийся у него текст договора от 11 марта 1428 г. со «складною грамотою», т.е. с письменным уведомлением об аннулировании им договора 1428 г.⁸ Тем самым принципиальные положения этого соглашения о статусах договаривавшихся князей и их владениях Юрием были отвергнуты. Документ 1428 г. был признан недействительным и не мог быть использован при рассмотрении в Орде спора Юрия с Василием II о великом княжении.

В Орде прибывшего молодого великого князя Василия II приняли с большим пиететом. Приехавший несколькими неделями позже князь звенигородский Юрий таких почестей не удостоился. Всё шло к тому,

⁷ Московский летописный свод 1479 г. называет иную дату смерти Витовта – 24 октября 1430 г. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 248.

⁸ «А сю грам(о)ту кн(а)зю вел(и)кому [прислал складною вместе кн(а)зь Юрьи, к Ордь ида» (ДДГ. С. 67, № 246).

что существовавший в Москве в 1428–1431 гг. порядок управления будет в Сарае подтвержден без особых проволочек, но как всегда – с богатыми подношениями от приехавших. Однако подобная перспектива затронула интересы правителя Крыма Ширин Тягины. Его владения лежали близко или рядом с владениями русских князей. Ему было небезразлично, кто станет главным русским князем, кто может быть его союзником или противником в будущем. Силой забрав князя Юрия у окружения хана Улуг-Мухаммеда, он увел его в Крым на зимовку до весны 1432 г., твердо обещая ему великое княжение.

Юный Василий II остался со своими советниками в ставке хана. Один из таких советников, московский наместник боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, начал вести беседы с первыми лицами ханского окружения. Он выражал удивление, почему такие знатные, богатые, авторитетные, умные и опытные люди, как его собеседники, без всяких возражений позволили крымскому правителю отнять у них князя Юрия и увезти с собою в Крым. Логичный и ловкий московский наместник рисовал перед высшей ордынской знатью безрадостные перспективы. Если будет так, как хочет Тягина, «а въ вась тогда что будеть, – размышлял он вслух, – князь Юрьи князь великии будеть на Москвѣ, а въ Литвѣ князь велики побратимъ его Швитригаило, а Тегиня въ Ордѣ и въ царѣ волень, не молвивъ вась» (ПСРЛ. Т. 18. С. 171). Угроза отстранения ордынской знати от власти и доходов соединенными силами Крыма, Москвы и Литвы подействовала, как попавшая в сердце стрела (такое сравнение сделал русский летописец). Собеседники Всеволожского сплотились и дружно стали доказывать хану необходимость утверждения на великокняжеском столе Василия II. Распаленный уговорами, Улуг-Мухаммед дошел до того, что приказал тотчас казнить каждого, кто предложит в великие князья Юрия.

Пришла весна 1432 г. Из Крыма в ставку Улуг-Мухаммеда прибыл Тягиня с князем Юрием Дмитриевичем. Крымского правителя сразу же предупредили о настроении хана. И Тягиня замолк. Но неожиданно у него нашлись единомышленники, и спор: Юрий или Василий, забурлил как весенний ручей. Василий II доказывал свое право на великое княжение наследованием стола от своих отца и деда, т.е. бывшим у него правом преемства. Князь Юрий Дмитриевич доказывал свои права «летописци и старыми списки и духовною отца своего великаго князя Дмитриа». Пыл спорщиков сумел остудить тот же Иван Дмитриевич Всеволожский. Он заявил, что дело не в русских документах и исторических материалах, на которые опирались оба споривших русских князя, а в документах ордынских, поскольку Русский улус – это часть Орды, а ордынский хан волен сажать на улус того, кого он считает нужным. Такая постановка вопроса

явно пришлось по душе и Улуг-Мухаммеду, и всей ордынской знати. Далее И.Д. Всеволожский продолжал: «наш государь великий князь Василий ищет стола своего великаго княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоимъ девтеремъ и ярлыкомъ, а се твое жалованье предъ тобою» (Там же). Из приведенной летописной выдержки делается понятным, что ордынские документы, представленные хану московским наместником, были привезены им из Москвы. Перед исследователями встал вопрос, что же содержали в себе «девтери и ярлыки», отправленные ханом Улуг-Мухаммедом в Москву. С легкой руки А.Е. Преснякова в исторической науке распространилось утверждение о том, что какой-то ярлык содержал ханское постановление о нерушимости завещания Василия I, в котором его сын Василий II был объявлен великим князем (Пресняков 1918. С. 387, прим. 3). Однако до сих пор, спустя более чем сто лет после выхода в свет монографии А.Е. Преснякова, исторической науке остается неизвестным тип документа, о существовании которого уверенно писал этот историк. Нет данных и об утверждении в Орде завещаний других русских великих князей. К тому же в летописи говорилось не о ярлыке, а о ярлыках, и на первом месте вообще-то указывались не ярлыки, а девтери (дефтери). Последний термин часто встречается в договорах, которые заключал Василий II с другими князьями московского княжеского дома. Так, в его договоре, составленном вскоре после 5 июня 1434 г. с сыновьями умершего Юрия Дмитриевича Дмитрием Шемякой и Дмитрием Меньшим, было отмечено: «А оу вас ми имати въ выход по старымъ девтеремъ» (ДДГ. С. 87, № 34). Аналогичная норма фиксируется и в договоре от 17 июня 1445 г. Василия II с князьями Иваном и Михаилом, сыновьями Можайского князя Андрея Дмитриевича: «А выход ти, г(о)с(поди)не, оу нас имати по старымъ дефтеремъ» (ДДГ. С. 122, № 41). Из приведенных статей двух соглашений великого князя Василия II с князьями-родственниками разных линий происхождения следует, что девтери – это расчетные документы, содержавшие данные о местах сбора и суммах выхода, следуемых Орде. Статья 17 договора от 11 марта 1428 г. свидетельствует о том, что ордынский выход за 4 года (1425–1428 гг.) с Московского княжества собирался регулярно, каждый год, причем московскому правительству приходилось вносить деньги и с населения Звенигородского княжества, покинутого его правителем Юрием Дмитриевичем. Такие неординарные ситуации должны были вызывать уточнения в дефтерах и переписку между Сараем и Москвой по поводу таких уточнений. Дефтери указывали на князя, который должен был собрать ордынскую дань с определенных территорий и передать ее Сараю; ярлыки, направляемые князю, обговаривали условия передачи и содержали статусное определение адресата. Этого было вполне достаточно для того,

чтобы прояснить положение того или иного русского князя. Такими дефтерями и ярлыками и воспользовался находчивый И.Д. Всеволожский. В итоге получалось, что при выборе великим князем Юрия Дмитриевича хан должен лишать великого княжения Василия II, к которому он раньше обращался с повелениями или просьбами о выплатах выхода, принимал выход, а потом за это наказывал исполнителя. Несуразность подобной ситуации становилась понятной всем. В итоге великое княжение хан закрепил за Василием II. Но чтобы смягчить обиду и огорчение проигравшего тяжбу князя Юрия Улуг-Мухаммед из владений Василия II передал ему Дмитров (ПСРЛ. Т. 25. С. 250; ДДГ. С. 74, № 29).

Однако, когда в июне 1432 г. князья-соперники вернулись на Русь, мирные отношения между ними продержались недолго. Василий II копил военные силы, князь Юрий Дмитриевич вынужден был заняться перераспределением земель между своими сыновьями. Различные летописи сохранили известие о том, что князь звенигородский и галичский в 1400 г. женился. Его женой стала Анастасия, дочь смоленского князя Юрия Святославича (Присёлков 1950. С. 353; ПСРЛ. Т. 25. С. 229). В год свадьбы Юрию было почти 26 лет. От этого брака у него родились сыновья Василий, позднее получивший прозвище Косого, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Меньший, однако точные годы их рождения неизвестны. Можно только сказать, что все они родились до 11 июля 1422 г., когда умерла их мать (ПСРЛ. Т. 18. С. 166; Т. 25. С. 245). В завещании Юрия Дмитриевича, составленном в июле–августе 1432 г., только эти трое сыновей: Василий, Дмитрий и Дмитрий Меньший (именно в такой последовательности), и названы наследниками отца. Но сравнительно недавно Г.В. Семенченко удалось установить, что у Юрия Дмитриевича был еще один сын – Иван (Семенченко 1991)⁹. Он являлся старшим сыном звенигородско-галичского князя и умер в великий пост (17 февраля – 19 апреля) 1432 г., видимо, управляя Галичем (ПСРЛ. Т. 24. С. 182). Его смерть и стала, судя по всему, побудительной причиной составления в 1432 г. завещания Юрия Дмитриевича, перераспределившего свои владения между оставшимися тремя сыновьями.

⁹ Заключение Г.В. Семенченко подтвердилось записью в «ростовском соборном синодике»: «Благоверному князю Ивану, скончавшемуся во мнишеском чину, князю Дмитрию Красному Юрьевичем вечная память» (текст дан в упрощенной транскрипции – Конев 1995. С. 99). Упомянут князь Иван Юрьевич и в разных вариантах завещания митрополита Фотия: «Бл(а)городному и бл(а)говерному кн(я)зю Иваноу Юрьевичю и его брат(ь)е даю мирь и бл(а)г(о)с(ло)в(е)ние и прощение» (Книга глаголемая Фотиос. С. 350). А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров приняли этого князя Ивана Юрьевича за князя И.Ю. Патрикеева (Мазуров, Никандров 2008. С. 188). Но Иван Юрьевич Патрикеев был младшим сыном в семье. У него был старший, причем единственный, брат Василий, умерший в 1450 г. Если Фотий говорит о князе Иване Юрьевиче, который возглавляет свою братию, то это никак не князь Иван Патрикеев.

Старшему сыну, Василию, Юрий завещал Звенигород с относившимися к нему волостями, подмосковные село и угодье, несколько волостей в Дмитрове. Второй сын, Дмитрий Шемяка, получил г. Рузу с волостями и подмосковные села, а также ряд дмитровских волостей. Третий сын, Дмитрий Меньший, должен был унаследовать Галич и несколько дмитровских волостей. Кроме того, троим Юрьевичам в качестве совместных владений звенигородский князь завещал полученный им в 1432 г. от ордынского хана г. Дмитров с пригородными станами, а также Вятку. Никаких замечаний о возможных территориальных приобретениях в случае получения великого княжения им самим или одним из его сыновей Юрий Дмитриевич не сделал.

Пока князь звенигородский и галичский составлял и обговаривал завещание детям, Василий II готовил свои рати к войне. В первой половине августа 1432 г. москвичи сумели установить контроль над бывшим владением Василия II Дмитровом и Дмитровским княжеством. Недавние повеления ордынского хана Улуг-Мухаммеда Василия II при этом не остановили. Юрий Звенигородский оставил свой удел, бросил на произвол судьбы Дмитров и укрылся в далеком Галиче.

Весной 1433 г. Юрий Дмитриевич сплотил свои силы и выступил в поход против племянника. Пребывавший в Москве Василий II ничего об этом не знал. Он сумел собрать немногих москвичей, в том числе московских купцов-гостей, и вышел с ними против большого войска Юрия. Князья сошлись 25 апреля 1433 г. у р. Клязьмы, в 20 верстах от Москвы. Военные слуги великого князя отчаянно сражались, а московские жители, напившись меда, больше взирали на сражение, чем участвовали в нем. В итоге великий князь был разгромлен и бежал в Тверь. Юрий вступил в Москву и занял великокняжеский стол (ПСРЛ. Т. 25. С. 248–250). Вскоре он примирился с Василием II, вызвал его к себе и дал в удел Коломну, центр великокняжеского домена в Московском княжестве.

В княжестве же начались перетасовки среди боярства и служилых людей, получивших теперь нового правителя. Многие из них покинули столицу и ушли в Коломну к прежнему великому князю Василию II. В Москве появились ордынские заимодавцы свергнутого великого князя. Чтобы удовлетворить их требования, Юрию пришлось взять займы 600 рублей у московских гостей и суконников (ДДГ. С. 77, 80, № 30.). Среди последних возникли опасения, кто и когда вернет им долг, хотя Василий II дал обещание его погасить. Вскоре старшие сыновья Юрия, Василий и Дмитрий Шемяка, убили отцовского любимца, видного московского боярина С.Ф. Морозова за то, что он не обеспечил поддержку нового великого князя со стороны московского боярства и военных слуг, и отложились от отца. Юрий был вынужден пойти на союз с Васили-

ем II против собственных детей и вернуть племяннику Москву. Однако вскоре Юрий примирился с сыновьями и вновь начал борьбу с великим князем. В бою «у Николы святого на Горе» близ Переяславля-Залесского звенигородский князь разбил Василия II, привлек на свою сторону его союзника князя Ивана Можайского, незадолго до этого клявшегося в вечной верности Василию II, и вместе с можайским князем 24 марта 1434 г. подошел к Москве. Город был полон сторонниками Василия II, и они не открыли крепостных ворот Юрию. Тогда тот начал осаду города. Это была первая осада Москвы во внутренней династической войне. Она длилась неделю. Источники не сообщают подробностей осады, но она закончилась успешно для князя Юрия. 31 марта 1434 г. он вошел в город, арестовал мать великого князя Софью Витовтовну и его молодую жену Марию Ярославну, отправил их в свой подмосковный Звенигород, сам же захватил великокняжеский стол (ПСРЛ. Т. 25. С. 251; ДДГ. С. 75, 78, № 30).

Василий II решил искать спасения в Орде. Он ушел в Нижний Новгород, намереваясь оттуда отправиться к татарам, когда в начале июня 1434 г. к нему пришло известие, что дядя Юрий Дмитриевич скоропостижно скончался. Это произошло 5 июня 1434 г. Великокняжеский же стол захватил его старший сын Василий, который никаких юридических прав на него не имел даже по завещанию собственного отца. Действиями Василия оказались недовольны его младшие братья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Меньший. Они заявили старшему брату: «Аще не въсхотѣ богъ, да княжить отецъ нашъ, а тебе и сами не хотимъ» (ПСРЛ. Т. 18. С. 175). 5 июня 1434 г. обрушилось сразу всё. От инфаркта или от обширного инсульта резко оборвалась жизнь человека, достигшего почти 60-летнего возраста, редкого среди московских Рюриковичей. Большая часть жизни (не менее 35 лет) князя Юрия Дмитриевича Звенигородского ушла на то, чтобы дожидаться, когда придет черед его великого княжения. Такое время наступило. Юрий, хотя и с трудом, осуществил предписание рассмотренной выше статьи завещания 1389 г. своего отца о порядке замещения великокняжеского стола в Московском княжестве. Он даже арестовал «незаконного» великого князя Василия II, но через короткое время вынужден был освободить его и вернуть ему великокняжеский стол. Московское боярство, военные слуги, слуги-министериалы, служебные князья, союзники Москвы и ее сторонники не хотели иметь дела с удельным московским князем. Они хотели быть под крылом старого и признанного всеми великого князя Василия I, а после его кончины – Василия II. Отсутствие достаточно широкой поддержки в московском обществе первой трети XV в. и стало причиной краха всех действий и замыслов великого князя Юрия Дмитриевича.

- Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. [*Bazilevich K.V. Vneshnyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV veka* (The Foreign Policy of the Russian State, the Second Half of the 15th Century). Moscow, 1952.]
- Книга глаголемая Фотиос / Изд. подгот. Н.А. Кобяк. М., 2005. [*Kniga glagolemayaya Fotios* (Book Called Photios) / Izd. podgot. N.A. Kobyak. Moscow, 2005.]
- Конев С.В.* Синодология. Ч. II: ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. 6. С. 95–106. [*Konev S.V. Sinodikologiya. Chast' II: rostovskiy sobornyy sinodik* (Synodicology: Part 2: The Synodic of the Rostov Cathedral) // *Istoricheskaya genealogiya*. Ekaterinburg; New York, 1995. Вып. 6. С. 95–106.]
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. [*Kuchkin V.A. Formirovaniye gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv.* (The Formation of the State Territory of Northeastern Rus in the 10th–14th Centuries). Moscow, 1984.]
- Кучкин В.А.* Договор 1390 г. великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским // Изв. 2005. Вып. 8 (126). С. 28–84. [*Kuchkin V.A. Dogovor 1390 g. velikogo knyazy Vasiliya Dmitriyevicha s Vladimirom Serpukhovskim* (The Treaty of Great Prince Vasiliy Dmitriyevich and Prince Vladimir of Serpukhov) // *Istoricheskie zapiski*. 2005. Вып. 8 (126). С. 28–84.]
- Кучкин В.А.* Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. М., 2013. Т. 4. С. 6–73. [*Kuchkin V.A. Moskovskkiye Rurikovichi* (genealogiya i demografiya) (The Moscow Rurikides: Genealogy and Demography) // *Istoricheskiy vestnik*. Moscow, 2013. Т. 4. С. 6–73.]
- Кучкин В.А.* Три завещания Василия I // ДРВМ. 2016. № 2 (64). С. 33–54. [*Kuchkin V.A. Tri zaveshchaniya Vasiliya I* (Three Wills of Vasiliy I) // *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki*. 2016. № 2 (64). С. 33–54.]
- Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в. М., 2008. [*Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. Russkiy udel epokhi sozdaniya yedinogo gosudarstva: Serpukhovskoye knyazheniye v seredine XIV – pervoy polovine XV v.* (The Rus Udel of the Age of the Formation of the Centralized State: The Principality of Serpukhov in the mid-14th – first half of the 15th century). Moscow, 2008.]
- Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XII–XV столетий. Пг., 1918. [*Presnyakov A.Ye. Obrazovaniye Velikorusskogo gosudarstva. Ocherki po istorii XII–XV stoletiy* (The Formation of the Russian State: Essays on the History of the 12th–15th Centuries). Petrograd, 1918.]

Присёлков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. [*Prisoyolkov M.D. Troitskaya letopis': Rekonstruktsiya teksta (The Trinity Chronicle: Reconstruction of Text)*. Moscow; Leningrad, 1950.]

Семенченко Г.В. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // ВИД. 1991. Вып. 22. С. 188–193. [*Semenchenko G.V. Neizvestnyy syn Yuriya Galitskogo i politicheskaya bor'ba na Rusi v nachale 30-kh gg. XV v. (The Unknown Son of Yurii of Galich and the Political Rivalry in Rus in the Early 1430s) // Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny*. 1991. Вып. 22. С. 188–193.]

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. [*Cherepnin L.V. Russkiye feodal'nyye arkhivy XIV–XV vekov (Russian Feudal Archives of the 14th–15th Centuries)*. Moscow; Leningrad, 1948. Ch. 1.

Vladimir A. Kuchkin

GREAT PRINCE YURII DMITRIEVICH OF MOSCOW

Early in 1363, the Moscow troops captured Vladimir, the residence of Great Prince. Prior to his death, Dmitrii Ivanovich of Moscow in his will (1389) bequeathed Vladimir and its land to his elder son Vasilii. In the case of Vasilii's death, Moscow and Vladimir had to be inherited by the eldest of his brother. Thus, the most powerful of the Moscow princes had to control Vladimir as well. A.E. Presnyakov believed that, after Dmitrii's death, the relations between Vasilii and Yurii, the second eldest brother, started getting worth. This is not corroborated by sources: until the death of Vasilii in 1425, Yurii always followed and supported him. However, after 1425, the rivalry between Yurii and Vasilii I's son, Vasilii II, started and lasted several years. Yurii finally became great prince of Moscow but soon died, on the 5th June, 1434.

Keywords: Old Rus, political history, Great Principality of Moscow, Dmitrii Donskoy, Yurii of Zvenigrod

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-285-304